

*Женское чтение в России последней четверти XVIII - первой четверти XIX вв.:
текстовые репрезентации и социальная практика*

В конце XVIII - начале XIX вв. чтение начинает играть особо важную роль в культурных практиках образованного общества, что неоднократно описывалось исследователями, в числе которых Ю. М. Лотман¹, Н. Д. Кочеткова², Р. Бодэн³, А. Л. Зорин⁴, О. Е. Глаголева⁵. Возросшая значимость чтения, а также увеличение объема печатной продукции приводит к появлению новых читательских групп, одной из которых оказываются женщины. Главной предпосылкой к этому оказывается увеличение влияния женщины в обществе в целом – предпринимательство, салоны, благотворительность. Кроме того, важную роль играет новая модель семьи, в которой мать ответственна за морально-нравственное воспитание детей, а также рост возможностей для женского образования.

Это влечет за собой ряд существенных изменений, начавшихся в последней четверти XVIII в. и получивших широкое распространение в первой четверти XIX в. Так, во-первых, меняется образ читательницы в художественной литературе: для классицистических текстов сюжет с женским чтением не слишком популярен, и сводится к анекдотическому нарративу о дворянках, читающих лишь французские романы преимущественно ради развлечения (см.: Д. И. Фонвизин “Бригадир” д.1, я.1). На рубеже веков же образ женщины-читательницы оказывается широко распространен, чтение представляется не только способом скрасить досуг, а играет куда более важную роль, и женская библиотека описывается уже без иронии. Хрестоматийный пример здесь – пушкинская Татьяна Ларина, круг чтения которой составляют преимущественно романы XVIII в. Кроме того, для предромантической и романтической эпох характерной оказывается адресация текстов женщинам, и именно читательницам отводится значительная роль в формировании нового литературного языка и стилистики (см: программные статьи Н. М. Карамзина в “Вестнике Европы” и А. С. Шишкова в “Чтениях в Беседе любителей русского слова”)

¹ Лотман Ю. М. Женский мир // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 63–92.

² Кочеткова Н. Д. Чтение в жизни "чувствительного героя" // XVIII век. Сб. 14. СПб., 1983. С. 121–142.

³ Baudin R. Reading in the Times of Catherine II // Reading Russia: a History of Reading in Modern Russia / Ed. by D. Rebbecini, R. Vassena. Vol. 1. Milan: Ledizioni, 2020. P. 151–178.

⁴ Zorin A. *A Reading Revolution? The Concept of the Reader in the Russian Literature of Sensibility* // Reading Russia: a History of Reading in Modern Russia / Ed. by D. Rebbecini, R. Vassena. Vol. 1. Milan: Ledizioni, 2020. P. 219–234.

⁵ Glagoleva O. *Imaginary World: Reading in the Lives of Russian Provincial Noblewomen (1750-1825)* // Women and Gender in 18th- century Russia / Ed. by W. Rosslyn. Hampshire, Burlington: Ashgate, 2003. P. 129–146.

Меняется и издательская практика: в 1779 Н. И. Новиков издает “Модное ежемесячное издание, или библиотеку для дамского туалета” – первый журнал, ориентированный исключительно на читательниц. В первой четверти XIX в. же периодические издания, в которых подчеркивается ориентация на женщин как основную читательскую аудиторию, становятся значимым явлением в литературном процессе (“Московский Меркурий” П. И. Макарова, “Журнал для милых” М. Н. Макарова, “Аглая” и “Дамский журнал” П. И. Шаликова).

То есть на рубеже XVIII и XIX вв. создаются условия для появления женщины-читательницы и как важного персонажа литературных текстов, и как агента на литературном поле: они влияют на популярность тех или иных авторов и литературных жанров, а также участвуют в формировании социальных практик, связанных с бытованием литературы. Тем не менее, репрезентация женского чтения, как и способы, с помощью которых конструировалась женская библиотека, не становились предметом детального анализа. Не становились предметом научной рефлексии также читательские интересы и читательские практики, имевшие место в реальности. Потому **цель** моей диссертации – заполнить эту лакуну и наглядно показать, как отличались друг от друга нарративы о женском чтении – как художественные, так и дидактические (представляющие, в первую очередь, мужской взгляд) и реальные практики, насколько мы можем их реконструировать по имеющимся источникам. Отсюда следует и постановка **задач**:

- описать источники, в которых женское чтение конструируется “со стороны”, а также источники, представляющие информацию о реальных читательских предпочтениях и читательских практиках;
- показать, какие тексты маркировались как “подходящие” для читательниц и какие читательские практики предписывались им;
- описать, каким представлялся образ читательницы в художественных текстах последней четверти XVIII - первой четверти XIX вв.
- на материале отдельных экземпляров и архивных источников показать, что читательские интересы и практики не полностью соответствовали рекомендованному и воспроизводили текстовые репрезентации.

Поставленные задачи отражают предполагаемую **структуру** работы, а именно планируемые три главы основной части. В *первой главе* предполагается подробное описание разнообразных источников по истории женского чтения, а также обзор того, какую именно информацию, в каком объеме и откуда можно получить.

Предполагается, что **материал** диссертации условно можно разделить на две большие категории: демонстрирующие, каким было представление о женском чтении, и позволяющие описать реальное женское чтение.

К первой категории можно отнести:

- художественные тексты как XVIII, так и первой четверти XIX вв (“Роза” Н. Ф. Эмина, “Рыцарь нашего времени” Н. М. Карамзина, “Отрывок из неизданных записок дамы (1811 г.” и т. д.);
- журнальные статьи;
- дидактическую литературу, ориентированную как на воспитание исключительно девочек, так и содержащую рекомендации для мальчиков или детей обоих полов;
- объявления о продаже книг в “Санкт-Петербургских ведомостях” и “Московских ведомостях”
- посвящения в книгах (адресованные не конкретным лицам, а читательницам вообще⁶).

Вторая же группа источников включает:

- эгодокументы (эпистолярный и мемуаристика), при работе с которыми в качестве теоретической рамки будут использоваться работы как отечественных ученых, например А. Г. Тартаковского⁷, так и зарубежных исследователей, например М. Добсон и Б. Цимман⁸;
- каталоги книгопродавческих лавок;
- каталоги библиотек;
- списки подписчиков;
- маргиналии в отдельных томах (и книговладельческие женские записи в сводных каталогах);
- описи имущества.

Столь широкий круг источников необходим, поскольку не все способы дают одни и те же результаты. Так, например, “публичные” источники, отражающие информацию о множестве читателей сразу, вроде списка дедикаций женщинам или списков подписчиков, указывают на интерес читательниц к сочинениям по истории, в то время как последовательный обзор отдельных экземпляров не отражает заинтересованности женщин в этом типе изданий. Кроме того, работа, сделанная мной в рамках магистерской диссертации, показывает, что в действительности женщины “активно” (то есть оставляя пометы) читали тексты, обычно не рассматриваемые как входящие в состав женской библиотеки – например, “духовная” поэзия светских литераторов.

⁶ Кочеткова Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века, адресованные женщинам // XVIII век. Сб. 28. СПб, 2015. С. 126–160.

⁷ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII–XIX в. М: Наука, 1991.

⁸ Dobson M., Ziemann B., Reading Primary Sources. The Interpretation of Texts from Nineteenth- and Twentieth-century history. London, New York: Routledge, 2009.

Вторая глава диссертации предполагает анализ первой группы источников и описание “правильной” читательницы, какой она виделась участникам литературного процесса и общественной полемики.

Третья глава будет посвящена анализу разнообразных источников, содержащих информацию о реальных читательницах, а также демонстрации того, насколько женское чтение в действительности совпадало или не совпадало с его текстовыми репрезентациями.

Таким образом, исследование, с одной стороны, продолжает традицию фактографического, комментаторского изучения литературы XVIII-XIX вв., опираясь на широкий круг разнообразных источников, не все из которых введены в широкий научный оборот, с другой же – связано с актуальными тенденциями в мировой гуманитаристике и тем самым вписывается в широкий междисциплинарный контекст. Помимо традиционных **методов** филологического анализа, в диссертации я буду опираться на методы, характерные для отечественных исследований по истории книги (С. П. Луппов⁹, А. Ю. Самарин¹⁰, О. Е. Глаголева¹¹), американских историков чтения и книги (Р. Дарнтон¹², Р. Шартье¹³) и феминистских исследований по истории женского чтения в Британии (С. Робертс¹⁴, Х. Б. Хэкель¹⁵), а также отечественной и зарубежной гендерной истории (Н. Л. Пушкарева¹⁶, Б. Э. Клементс¹⁷).

⁹ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976.

¹⁰ Самарин А. Ю. Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). Дис. док. наук. М.: МГУ печати, 2002.

¹¹ Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. Очерки культурной жизни XVIII — первой половины XIX вв. Тула: ТулГУ, 1992.

¹² Darnton R. First Steps Toward a History of Reading // Australian Journal of French Studies. 1986. No 23. P. 5–30.

¹³ Роже Ш. "Народные" читатели и их чтение от эпохи Возрождения до эпохи Классицизма // История чтения в западном мире от античности до наших дней. М.: Новое издательство, 2008.

¹⁴ Roberts S. Reading in Early Modern England: Contexts and Problems // Critical Survey. 2000. Vol. 12. No 2. P. 1–16.

¹⁵ Hackel H. B. Reading Material in Early Modern England: Print, Gender, and Literacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 196–254.

¹⁶ Пушкарева Н. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2020.

¹⁷ Clements B. E. A History of Women in Russia: from Earliest Times to the Present. Bloomington: Indiana University Press, 2012.